

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА ХРИСТИАН В РОССИЙСКИХ ТЮРЬМАХ

Владислав Бачинин
доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Социологического института РАН

Для России допетровской и петровской эпох было характерно полное отсутствие какой бы то ни было заботы о духовно-нравственном состоянии арестантов. Заключение в тюрьмы без исповеди и причастия, несмотря на ходатайства частных лиц и даже отдельных государственных органов перед Святейшим Синодом. Лишь в период царствования Екатерины II в этой области начали происходить некоторые положительные сдвиги. Под влиянием гуманистических идей трактата итальянского мыслителя Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764) императрица поставила вопрос о мерах улучшения быта арестантов. В своем «Наказе» она говорила о необходимости воспитания узников, о важности введения мер, препятствующих им быть «вредными членами общества». С 1785 г. в смету государственных расходов начали вноситься планируемые денежные суммы, необходимые для содержания «колодников».

В 1819 г., при императоре Александре I правительство обратило внимание на необходимость улучшения как материального, так и духовного состояния обитателей российских тюрем. Это произошло благодаря известному английскому филантропу Вальтеру Веннингу, который представил царю пространную записку о необходимости улучшения содержания тюрем и о важности общеобразовательного обучения и религиозного воспитания арестантов. Записка была составлена под влиянием идей английского протестанта-индпендента Джона Говарда¹.

В результате этих инициатив было образовано «Общество попечительное о тюрьмах». Находящееся под покровительством императора, оно имело целью «нравственное исправление содержащихся преступников, улучшение состояния заключенных за долги и по другим делам», а также «наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на оном основанной». «Общество» с входящими в него частными лицами, губернскими комитетами и уездными отделениями стало, наряду с департаментом полиции, распоряжаться хозяйственным жизнеобеспечением тюрем, получило возможность направлять филантропические инициативы частных благодетелей.

Президент «Общества» назначался императором. Исполнительными органами «Общества» были два комитета, мужской и женский. Члены комитетов имели право в любое время посещать тюрьмы и тюремные больницы. С «Обществом» оказался связан феномен доктора Гааза.

Фридрих (Федор Петрович) Гааз (1780 — 1853) был человеком незаурядным, снискавшим делами милосердия всероссийскую известность. Будучи немцем, он родился близ Кельна и был воспитан в католической вере. Он получил медицин-

ское образование в университетах Иены и Геттингена, имел ученую степень доктора медицины. В России Гааз оказался по приглашению одного из своих пациентов, князя Репнина. Здесь его деятельность оказалась связана с Московским комитетом «Общества попечительного о тюрьмах».

Доктор Гааз отдавал все свои силы и время делу облегчения участи российских арестантов. Он затеял о состоянии тюремных больниц, улучшении содержания заключенных, помогал им пропитанием и денежными подаяниями из личных сбережений. По его инициативе была существенно облегчена конструкция кандалов, в которые заковывали лиц, осужденных на каторжные работы и отправлявшихся вешим ходом по этапу в Сибирь.

На свои средства Гааз отпечатал тираж душепопечительской брошюры с выдержками из Евангелия и вручал ее большим пересыльным в тюремных лазаретах. Он обратился к митрополиту Филарету с прошением напечатать большое количество книг Нового Завета с тем, чтобы раздавать их арестантам.

Сохранились сведения о весьма любопытной сцене, разыгравшейся однажды между Гаазом и Филаретом. Шло заседание Московского тюремно-попечительского комитета. Гааз заговорил о том, что среди арестантов много тех, кто осужден безвинно. Филарет, председательствовавший на заседании, строго одернул доктора: «Невинно осужденных не бывает. Если уж суд подвергает каре, значит, была на подсудимом вина...» Доктор Гааз вскричал: «Владыко, что Вы говорите! Вы о Христе забыли!» Возникла пауза, и взгляды присутствующих устремились на Филарета. Помолчав еще некоторое время, митрополит тихо сказал: «Нет, Федор Петрович, не так. Я не забыл Христа... Но когда я сейчас произнес поспешные слова... то Христос обо мне забыл». После этого он встал, благословил присутствующих и вышел.

Приведем отрывок статьи о докторе Гаазе из дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Ее автор А.Ф. Кони писал:

«Состояние тюремного дела в России было, перед введением тюремных комитетов, самое печальное. Даже в столицах полутемные, сырые, холодные и невыразимо грязные тюремные помещения были свыше всякой меры переполнены арестантами, без различия возраста и рода преступления. Отделение мужчин от женщин осуществлялось очень неудачно; дети и неисправные должницы содержались вместе с проститутками и закоренелыми злодеями. Все это тюремное население было полуголодное, полунагое, лишенное почти всякой врачебной помощи. В этих школах взаимного обучения разврату и преступлению господствовали отчаяние и озлобление, вызывавшие крутые и жестокие меры обуздания: колодки, прикование к тяжелым стульям, ошейники со стіцами, мешавшими ложиться и т. п. Препровождение ссыльных в Сибирь совершалось на железном пруте, продетом сквозь наручники скованных попарно арестантов. Подобранные случайно, без соображения с ростом, силами, здоровьем и родом вины, ссыльные, от 8 до 12 человек на каждом пруте, двигались между этапными пунктами, с проклятиями таща за собою ослабевших в дороге, больных и даже мертвых. Устройство пересыльных тюрем было еще хуже, чем устройство тюрем срочных. Гааз постиг и всем сердцем усвоил себе высокую задачу попечительного о тюрьмах общества. Двадцать три года, изо дня в день, словом и делом боролся он с напрасною жестокостью в осуществлении наказания, обращавшего кару в муку, и был заступником за «человека», черты которого он умел видеть и находить в самых грубых отверженцах общества. Предпринятый им, прежде всего, поход против прута, после долгих противодействий, затруднений и неудач, окончился, при содействии князя Голицына, относительным успехом: было разрешено всех ссылаемых, шедших через Москву из 22 губерний, препровождать не на пруте, а в кандалах. Хотя защитники прута и взяли верх после смерти Голицына (1844), но, фактически, до самой кон-

¹ Джон Говард (1726–1790), служивший шерифом в Бедфорде, призвал общество и правительство коренным образом изменить чудовищные условия содержания заключенных в городских тюрьмах. В 1777 г. он издал книгу «Положение заключенных в Англии и Уэльсе». Понимая, что тюрьма — это один из предустановленных Богом элементов земного порядка, рассчитанный на преодоление опасных проявлений греховной человеческой природы, Говард одновременно подчеркивал, что за узниками следует признавать определенные естественные и религиозные права и не отнимать их у них, ибо в противном случае они потеряют человеческий облик.

В 1781 г. Говард предпринял путешествие в Россию, побывав в Петербурге, Москве, Вышнем Волочке и Твери. При этом он отклонил приглашение императрицы Екатерины II посетить ее резиденцию, объяснив свой отказ тем, что цель его прибытия — посещение тюрем, а не дворцов. В 1789 г., Говард вновь приехал в Россию. Находясь в Херсоне, где в то время вспыхнула эпидемия тифа, он заразился и умер.

чины, Гааза, вследствие его просьб, настояний и пожертвований, никто из Москвы на пруте не уходил. На кандалы для перекрестки ссыльных особой суммы не отпускалось, и Гааз постоянно снабжал пересыльный замок изготовленными по его заказу, значительно удлинненными и облегченными кандалами, деньги на которые, через него же, постоянно представлялись в тюремный комитет — «неизвестным благотворителем». Благодаря представительству Гааза было отменено бритье половины головы женщинам и ссыльным, а также страждущим колтуном. По его ходатайству был устроен на средства купца Рахманова рогожский полуэтап, и под его личным надзором перестроена значительная часть московского губернского тюремного замка, сообразно с требованиями гигиены и разумного человеколюбия; наконец, он же добился, — после уторных притирательств с тюремным комитетом и ряда пожертвований от «неизвестного благотворителя» — обшита кожей, сукном или полотном ручных и ножных обручей от цепей ссыльных, причем вскоре (в 1836 г.) эта мера была обязательно распространена на всех пересылаемых в России. Присутствуя при отправлении каждой партии арестантов из Москвы, знакомясь с ними и их нуждами за несколько дней до их ухода, Гааз заставлял перекрывать их при себе, следил за их здоровьем и решительным образом оставлял на некоторое время в Москве — несмотря на постоянные столкновения с местным начальством, протестовавшим против делаемого им беспорядка в статейных списках — всех тех, кто был болен, слаб или нуждался в душевном утешении и ободрении. Наделив привезенными им припасами остальных, благословив и поцеловав тех, кто, по его выражению, «*bat es nicht biß gemeint*», Гааз шагал иногда вместе с партией несколько верст и затем, распростившись вновь и наделив всех сочиненною им нравоучительною книжкою: «А. Б. В. христианского благочестия», возвращался домой, удручаемый мыслию, как он писал в одном официальном рапорте, «об ангеле Господнем, который ведет свой статейный список». Но этим не оканчивалась его забота об ушедших. Он перисылсялся с ними, исполнял их просьбы издалека — высылал с их родными, высылал им деньги и книги. Ссыльные прозвали его «святым доктором», с любовью расспрашивали о нем посещавших сибирские поселения лиц и соорудили на свой счет в память его, в Нерчинском остроге, икону св. Феодора Тирона. Но и находившиеся в Москве арестанты в равной мере пользовались самоотверженным участием Гааза. Он настоял на учреждении в 1834 г. из директоров тюремного комитета справщиков по арестантским делам, и, когда они очень скоро охладели к этой обязанности, один за всех исполнял ее, собирая справки по делам, ходатайствуя об ускорении последних; разбегая, несмотря ни на какую погоду и на огромные московские расстояния, по судам, канцеляриям и полицейским участкам. Он собрал в разное время большие суммы для снабжения пересылаемых арестантов рубахами, а малолетних — тулупами; он же в течение 20 лет делал ежегодные пожертвования на покупку бандажей для арестантов, страдающих грыжею. Наконец, Гааз был настойчивым ходатаем за тех, кто, по его предположению, оправдываемому тогдашним состоянием уголовного правосудия, был невинно осужден или же, по особым обстоятельствам, заслуживал и особого милосердия. В журналах московского тюремного комитета записано 142 предложения Гааза о ходатайствах относительно пересмотра дел или смягчения наказания. В этого рода хлопотах он не останавливался ни перед чем, вступал в горячие споры с митрополитом Филаретом, писал письма императору Николаю и прусскому королю, брату императрицы Александры Федоровны, а однажды, при посещении государем тюремного замка, умоляя о прощении 70-летнего старика, предназначенного к отсылке в Сибирь и задержанного им по болезни и дряхлости в Москве, не хотел вставать с колен, пока разстроенный Государь не изрек помилования. Сознавая, что многие из преступников явились сами жертвами отсутствия религиозно-нравственного развития, Гааз особенно заботился о последнем. Пользуясь дружбою петербургского негодянина Мериллиза, он склонил его к обширным пожертвованиям (до ста тысяч экземпляров) духовно-нравственными книгами и Священным Писанием, для раздачи арестантам, сам, кроме того, закупая большие партии таких книг для отсылки в Сибирь. Между арестантами было много ссылаемых по распоряжению помещиков. Иногда они следовали с детьми, иногда дети оставались, и родители шли в Сибирь одни. Гааз горячо, но бесплодно старался побудить комитет к ходатайству о пересмотре 315 и 322 ст. т. XIV, представлявших помещикам право ссылки их крепостных. Более успешны были его хлопоты о выкупе оставленных детей для отдачи их родителям и о дозволении помещикам не различать де-

тей с родителями. Комитет, отчасти на сумму, завещанную в распоряжение Гааза Федором Васильевичем Самаринным, отчасти на представленные Гаазу пожертвования «некоторых благотворительных лиц», выкупил с 1830 по 1853 г. 74 детей в 200 с лишком случаях. По почину Гааза, тюремный комитет с 1830 г. ежегодно уделял из своих средств сумму на «искупление» несостоятельных должников, а с 1832 г., при деятельном участии Гааза, был собран капитал для помощи семействам несостоятельных.

Как тюремный врач, Гааз проявлял необычную личную заботливость о больных, лечившихся в тюремной больнице — отделении Старой Екатерининской в Москве. Он по несколько раз в день навещал их, беседовал с ними подолгу о их делах и домашних и настойчиво требовал, чтобы в больнице никто — ни больные, ни служебный персонал, ни посетители — не глгали. Обнаружив неправду, он штрафовал в пользу бедных и служащих, и посетителей. Не добившись утверждения составленного им устава трезвости между служащими, он все-таки фактически ввел его в действие. Воспользовавшись временным перемещением арестантов в казенный дом близ Покровки, он по выводе их стал принимать туда бесприютных, заболевших на улицах, и постепенно, подвергаясь всевозможным нареканиям и начетам, после горячих просьб и слез пред генерал-губернатором, требовавшим немедленного очищения казенного дома, добился молчаливого узаконения заведенного им обычая. Так, мало-помалу образовалась без официального утверждения Гааза уторству «святого доктора» полицейская больница, называемая народом до сих пор «Гаазовскою».

За подвижническое служение доктора Гааза называли «божьем человеком». Когда он умер, то в его похоронах приняли участие 20 тысяч человек.

Феномен доктора Гааза явился скорее исключением, чем правилом в практике функционирования российской пенитенциарной системы. Те многочисленные противоречия, которые существовали между тюремными администрациями и местными отделениями попечительного Общества, привели к реорганизации деятельности последнего, выразившейся в ограничении его полномочий и в бюрократизации его структуры. В 1855 г. оно было присоединено к министерству внутренних дел и это привело к существенному сужению поля его филантропической деятельности. В результате в тюрьмах и острогах стала весьма затруднительна какая бы то ни было религиозно-воспитательная, душепопечительская работа.

В 1879 г. в составе Министерства внутренних дел было образовано Главное тюремное управление, которому должно было подчиняться попечительное Общество. В 1895 г., Общество вместе с Главным тюремным управлением перешло в ведомство Министерства юстиции.

Чрезвычайно интересный факт связан с деятельностью начальника Главного Тюремного Управления А. М. Максимова. Он был другом и соратником известного евангельского христианина барона П. Н. Николаи. Вот что о нем рассказывала в своих мемуарах С. П. Ливен: «В работе среди студентов ему [барону П. Н. Николаи. — В. Б.] помогал брат Александр Михайлович Максимовский, верное чадо Божие, многими в свое время не понятый. В последние годы жизни он был начальником Главного Тюремного Управления и на этом посту был убит террористкой (членом боевой организации партии социалистов-революционеров). Во время восстаний 1905 года он временно ввел меры строгости в местах заключения, чтобы заштитить и заключенных, и охрану от кровопролитных столкновений, но мысль его не была понята, и это стоило ему жизни. Несмотря на занимаемый им высокий пост, он часто поздним вечером навещал студентов в их убогих помещениях, чтобы беседовать об их духовных нуждах и запросах. Многие потом вспоминали его с печалью и глубокой благодарностью, видя в нем истинного христианина. Он всегда был готов помочь материально, когда видел нужду, но «не трубил пред собою, как делают лицемеры», и мы узнали об этом только после его смерти» Ливен С. П. Духовное пробуждение в России. Воспоминания княжны С. П. Ливен. Чикаго, 1986. С. 91–92).

В середине 1890-х гг. в Петербурге и Москве тюремные комитеты были упразднены и вместо них учреждены мужс-

кие и дамские тюремно-благотворительные комитеты. Они были лишены права влиять на хозяйственную жизнь мест заключения. Их возможности были ограничены исключительно благотворительной деятельностью, религиозными собеседованиями с заключенными и чтением религиозно-нравственной литературы.

Этот порядок удерживался практически до 1917 г. Советский режим полностью ликвидировал систему благотворительной и душепопечительской деятельности в тюрьмах СССР. Лишь после падения коммунистической диктатуры, начиная с 1990-х гг. эта система начала возрождаться. В настоящее время идет процесс ее интенсивного развития. Практически во всех крупных российских регионах, областных центрах существуют христианские миссии, церковные организации, которые осуществляют служение в следственных изоляторах, в мужских, женских и подростковых колониях, ведут работу по организации реабилитационных центров для лиц, только что освобожденных из мест заключения. Благодаря их усилиям осуществляются акции гуманитарной помощи для исправительных учреждений, распространяется духовная литература, проводятся духовно-нравственные беседы с осужденными, проводятся концерты, организуются показы художественных фильмов христианского содержания.

Приведем в качестве примера данные о работе Департамента тюремного служения Ассоциации христианских церквей «Союз христиан» в Санкт-Петербурге (руководитель — пастор Я. С. Волков).

Ассоциация возродила традицию тюремного служения, существовавшую в Петербурге и других городах России до революции. В настоящее время практически во всех крупных российских регионах, областных центрах существуют христианские миссии, церковные организации, которые осуществляют служение в следственных изоляторах, в мужских, женских и подростковых колониях, ведут работу по организации реабилитационных центров для лиц, только что освобожденных из мест заключения. Благодаря их усилиям осуществляются акции гуманитарной помощи для исправительных учреждений, распространяется духовная литература, проводятся духовно-нравственные беседы с осужденными, проводятся концерты, организуются показы художественных фильмов христианского содержания.

В августе 1992 г. в колонии общего режима п. Форносово (Тосненский р-н, Ленинградская обл.) начал работу христианский центр «Галилея». Его основатель пастор С. А. Морозов стал один раз в неделю проводить в клубе колонии служение для заключенных. Одновременно раздавались книги Нового Завета и разнообразная духовная литература. В результате этого служения через год в колонии образовалась церковь. Ее членами стали сорок заключенных.

Одновременно велась пастырская и реабилитационная работа с теми, кто освобожден из заключения. Евангельские церкви нескольких районов Ленинградской области оказывали им духовную и материальную поддержку, помогали в оформлении документов и поиске работы и жилья.

Помощь Ассоциации колониям выражалась и в том, что для заключенных организовывались концерты и антинаркотические акции. Благотворительная деятельность включала предоставление продуктов питания, одежды, музыкальных инструментов, средств гигиены.

За десять с лишним лет, на протяжении которых осуществляется это служение, к покаянию пришли несколько тысяч человек, находящихся в заключении и вышедших на свободу.

В 1999 г. служение Христианской миссии «Галилея», входящей в структуру Ассоциации, распространилось на петербургский следственный изолятор «Кресты». Члены миссии, не имея возможности встречаться с последственными, смогли установить в изоляторе локальную радиосеть, состоящую из абонентских громкоговорителей, размещенных в каждой камере. Это дало возможность ежедневно по одному часу транслировать христианские программы — чтения Священ-

ного Писания, проповеди, рассказы о тех, кто уверовал в Господа Иисуса Христа в местах заключения. Программы готовили те, кто сами когда-то находились в заключении. Ставшие верующими, они хорошо знали духовные нужды тех, кто пребывал в заточении.

Положительный опыт данной формы христианского служения в «Крестах» оказался востребован: руководители ряда учреждений Главного Управления исполнения наказаний (ГУИН) обратились в Ассоциацию христианских церквей с просьбами помочь им в организации трансляции аналогичных радиопрограмм.

С 2001 г. Департамент тюремного служения АХЦ (руководитель — пастор Я. С. Волков) проводит ежегодные конференции для пасторов и проповедников, ведущих душепопечительскую работу в исправительных учреждениях России. В этих конференциях участвуют руководящие работники Главного Управления исполнения наказаний по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Подобная форма взаимодействия позволяет активно развивать новые направления тюремного служения, обмениваться опытом, разрабатывать и внедрять новые проекты.

По инициативе Ассоциации христианских церквей и при содействии Министерства внутренних дел и Министерства юстиции установлены радиоточки христианского вещания в 192 следственных изоляторах, 7 тюрьмах, 760 исправительных колониях и 62 воспитательных колониях по всей России. Это еще одно направление распространения евангельских идей, охватывающее 840 тысяч осужденных и почти 330 тысяч сотрудников уголовно-исполнительной системы Минюста России.

Департамент тюремного служения АХЦ приступил к реализации проекта по оказанию стоматологической помощи осужденным и подследственным, находящимся в колониях и изоляторах Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В настоящее время в них содержится 21 тысяча человек, в том числе 400 несовершеннолетних. Социальное реформирование в этой сфере пока идет крайне медленно. Соблюдение прав заключенных все еще остается основным вопросом, требующим решения. Одной из острых проблем является невозможность получения стоматологической помощи. Люди вынуждены пользоваться самыми разными подручными средствами удаления зубов — техническими плоскогубцами, скрученными нитками и т. п.

В мае 2005 г. АХЦ передала «Попечительскому Совету уголовно-исполнительной системы» и специализированной Санкт-петербургской больнице им. Ф. Гааза, предназначенной для заключенных, автобус, в котором располагаются стоматологический кабинет и оборудование для рентгена. Этот «Автодом» предназначен для оказания регулярной, бесплатной стоматологической помощи заключенным. При посещениях стоматолога заключенные могут беседовать с находящимся там же христианским священнослужителем и получить духовную литературу. «Автодом» сможет совершать регулярные выезды в исправительные учреждения Санкт-Петербурга и Ленинградской области для оказания стоматологической помощи осужденным.

В настоящее время Департамент тюремного служения ведет работу по апробации нового проекта, в центре которого судьбы матерей, лишенных свободы, и их детей, с которыми у тех прервалась связь. Осенью 2003 г. началась первая в России христианская акция «Рождественская елка Ангела»: женщинам-матерям, отбывающим наказание, было предложено поздравить своих детей с Рождеством и отправить им подарки. Служители церкви посетили более полутора сотен домов, где жили дети, вынужденные расти без материнского тепла.

Акция «Рождественская елка Ангела» проводилась также в декабре 2004 г. В этот раз от матерей, находящихся в исправительных учреждениях Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Вологды, Череповца и Красноярского края, получили подарки более восьмисот детей из Санкт-Петербурга,

Ленинградской области, Карелии, Мурманска, Архангельска, Москвы, Твери, Владивостока.

Пастор Я. С. Волков на обращенный к нему вопрос о том, как осужденные женщины восприняли акцию, ответил:

«Сначала с недоверием и недоумением. Им сложно было поверить в то, что совершенно незнакомые люди хотят сделать что-то доброе для их детей, при этом ничего не требуя взамен. Мы предложили матерям заполнить анкету, в которой они указали адрес, возраст детей, и что они хотели бы подарить своему ребенку на Рождество. Мы постарались выполнить их пожелания и передали подарки их детям непосредственно в руки. В основном это были мягкие игрушки, конструкторы, машинки, куклы, книжки. Для подростков мамы просили купить плееры мальчикам или косметические наборы девочкам. К подарку прилагалась красочная иллюстрированная детская Библия. В пакет вкладывалась открытка, написанная мамой. Дети в ответ посылали свои письма, открытки, фотографии, рисунки, конфеты, ручные поделки. Все это мы передали их матерям в места заключения.

В Вологодской колонии руководство исправительного учреждения разрешило впустить на свою территорию 25 детей для того, чтобы их мамы смогли сами поздравить своих мальчиков и девочек с Рождеством, вручить им подарки и показать подготовленный праздничный спектакль.

Наша акция смогла растопить лед в сердцах матерей, дать им надежду. Был случай, когда восстановленная связь с детьми помогла предотвратить самоубийство. В одной из тюрем мы посетили женщину, которая, получив большой срок, долгое время находилась в подавленном состоянии. Позже тюремный психолог рассказал нам, что она готовилась к самоубийству. Но когда ей в камеру принесли письмо и фотографию ее ребенка, она отказалась от исполнения задуманного.

Мы беседовали с многими осужденными матерями. В большинстве случаев они сами понимают: для того, чтобы вернуться к детям, к нормальной жизни, необходимо, выйдя на свободу, порвать отношения с криминальным окружением, устроиться на работу и ходить в церковь. Многие женщины просили молиться за них, поскольку они понимают, что в их жизни есть сложности, которые им самим не разрешить. Более того, существуют обстоятельства, над которыми люди вообще не властны.

После осуждения матерей примерно 70% детей остаются с родственниками, а 30% поступают в детские дома, где так же случаются трагедии. Во время нашего посещения Санкт-Петербургского детского дома № 60 выяснилось, что его руководство не знало о существовании матери у ребенка. В соответствующей графе его анкеты было написано, что мать числится пропавшей без вести и, скорее всего, ее нет в живых. В течение нескольких лет этим ребенком никто не интересовался. И когда наши представители пришли к нему с красиво оформленным подарком от мамы, сотрудники были очень удивлены. После некоторых колебаний они разрешили нам встретиться с мальчиком. Мы установили, что у мамы была первая судимость. В то время, пока она отбывала наказание, двое ее детей были помещены в детский дом. Она пыталась найти их, но безуспешно. Че-

рез нашу акцию дети были найдены. Недавно мы возили одного из мальчиков на свидание с мамой, с которой он не виделся около десяти лет.

Столкнулись мы и с тем, что в одном из детских домов в течение двух лет ребенку не передавали письма, которые ему регулярно писала мама. Они так и лежали нераспечатанными в его личном деле. Так по прихоти должностного лица были попораны конституционные права матери и ее вторично разлучили с ребенком.

В детских домах практикуется процедура заочного лишения осужденных матерей их родительских прав. Это делается обычно без ведома матери. Директор детского дома собирает необходимые документы и относит их в суд. Он заинтересован в этом, поскольку получает на каждого такого воспитанника дополнительные дотации. Мать же либо получает извещение о том, что ее лишили родительских прав, либо же пребывает в неведении. Это означает, что ее ребенок теперь может быть кем-то усыновлен, и она после этого уже вряд ли сможет с ним увидеться. Благодаря акции «Рождественская елка Ангела» несколько женщин узнали от нас, что их лишили родительских прав. Ребенка одной из них уже усыновили. Ей же, осужденной на три года, оставалось до освобождения три месяца. У нее есть квартира, и она могла бы сама воспитывать своего ребенка. Однако, у нее нет родственников, которые могли бы вступить за нее, и нет средств, чтобы нанять адвоката.

И все же, самое главное в акции «Рождественская елка Ангела» то, что женщины начинают задумываться о своем будущем, становятся добрее, лучше. Служителям удалось пробудить в душах многих матерей и их детей надежды на воссоединение разрушенных семей. В офис Ассоциации христианских церквей приходят письма благодарности от матерей, находящихся в заключении. Они пишут о том, что проект «Рождественская елка Ангела» изменил их отношение к детям, к жизни и к Богу, что они обрели веру, надежду и желание жить после освобождения полноценной жизнью. Вот одно из них: «Я в заключении нахожусь полтора года. У меня есть дочь четырнадцати лет. Когда я попала в тюрьму, наши отношения прекратились. После того, как вы посетили ее и поздравили с Рождеством, она приехала ко мне на свидание. Я вам бесконечно благодарна за меня и за мою дочку, потому что вы очень помогли нам... Благодаря этому проекту люди, которые не знали Бога, смогли узнать о нем и принять покаяние. Я видела и знаю, не одно сердце не осталось не затронутым, это коснулось всех! У моей дочери сейчас сложный, подростковый период. Когда меня посадили, она стала отдаляться от меня, а ваше посещение вернуло ее мне. Сейчас у нас отличные отношения, и моя дочь ждет меня. Слава Богу!» (Татьяна из колонии ИК-2, пос. Ульяновка, Ленинградской обл.).»

Опыт Департамента тюремного служения АХЦ служит ярким свидетельством того, что положительные инициативы евангельских церквей России находят широкое приложение в деле постепенной реорганизации духовно-воспитательной работы с теми, кто отбывает наказание или только что освобожден из мест лишения свободы.